

Дедок с хитроватыми глазами, беспрестанно шмыгая, как ребенок, крупным мясистым носом, толкнул дверь. Женька посмотрел в проем и ему стало не по себе: вот так «общежитие»! Сырая барачная комната с рядами коек как в казарме! Стены потрескались и облупились до дранки, внизу: то ли дыры, то ли норы! Двое Саш за Женькой хмыкнули и совершенно привычно, со смешками, ввалились в комнату, отстранив дедка. Чрезмерная их простота и разудалость раздражали Женьку. Только что познакомившись, они уже называли Женьку «Женчиком», явно посмеиваясь над его интеллигентностью и сосредоточенностью.

— Женчик! Не теряйся, располагайся! — крикнул Саша помельче, подмигнув Женьке и кинув свой рюкзак на ближайшую к нему койку.

Женька огляделся. В дальнем углу, у окна, лежал какой-то парень прямо в кепке, сапогах и телогрейке и храпел с присвистом. Там же рядом, на столе, Женька увидел надкусанный соленый огурец, отломанный кусок хлеба и окурки в грязной плоской тарелке. Внизу около разбитой электроплитки валялась пустая бутылка из-под водки.

— Лежень, наелся до бесчуру,— швыркнул носом дед,— совсем обнаглели, ни стыда, ни совести. Ну ничего, скоро указ выпустят, всех вас за одно место-то тяпнут!

А по багровому носу старика было видно, что он и сам при случае не прочь «приложиться»...

— Тут вот чо, ребяташки... Строители из райцентра... Вон один из них! — показал дед сухонькой рукой на парнягу в кепке.— Ладноть, ребятаки, пошли теперь со мной за матрасами! А сумки здесь оставляйте, никто не возьмет, все — свои...

— Так, а вы чо, только втроем? — спросил дедок, идя впереди ребят по коридору.

— Сейчас еще припрутся,— отозвался Саша-великан.

Женька выбрал койку у окна. Постелил постель и, сев на нее, тяжело вздохнул. За окошком мутила черноту земли чуть не поземка, погода портилась на глазах.

«Хорошо, что еще взял с собой теплое белье»,— подумал он.

Сразу же с тоской вспомнил жену и дочку Танюшку, старенький письменный стол, приземистую настольную лампу, недочитанную с Танюшкой книжку про слона... Пока Женька предавался унынию и воспоминаниям, в комнату ввалились еще

несколько человек, приехавших на посевную. Саши уже закурили и обрадованно откупоривали принесенные кем-то бутылки. Компания сгрудилась у стола.

— Мы учим летать самолеты! — уже через несколько минут горланили Саши во все горло, хлопали крепкими кулаками себя по груди и называли себя «летчиками» — это они с Женькой были распределены на погрузку удобрений в самолет.

Женька достал из рюкзака сборник стихов Тютчева, но даже одного не смог прочитать до конца — обстановка бешено накалялась.

— Женчик, иди к нам! — позвал Саша помельче.

Женька отказался, мотнув головой.

— Только ты без булды, давай пей до конца, щас к девкам пойдем! — доносились до Женьки возгласы.

Ему вдруг, до перехвата в горле, сделалось противно. Женька надел телогрейку и вышел на улицу. Низовой, напирющий к земле ветер обдал дрожью все тело. Женька дошел до клуба и взглянул на афишу. Индийский двухсерийный фильм «По законам любви».

«Прямо как «по законам военного времени»! — усмехнулся Женька.

Он купил билет за смешную плату и сел в зале.

Показывали цветную наивную муру с бестолковыми надуманными ситуациями. Вокруг щелкали семечки и громко плевали на пол. Но впереди, кажется, смотрели фильм заворожено, с удовольствием.

Женька, не выдержав этой муки, вышел из клуба, не досмотрев и первой серии и, с трудом разбирая в темноте дорогу, поплелся назад, в барак.

Оба Саши упились в стельку и, распластавшись на койках, лежали без движения.

— Слышь, поэт! — встретили его какие-то новые, незнакомые ребята. — Почитай-ка нам стишки!

На койке лежал раскрытый сборник Тютчева. Женька, ничего не ответив, улегся на спину и уставился в потолок.

— Чегой-то поэт с нами совсем не разговаривает? — съехидничал плечистый парень с русской кудрявой бородкой и шепучими глазами. — Наверно, обиделся.

— Ну что, Женчик, стишки считаешь?! — засмеялся он, скинув футболку и выставив свое тугое тело напоказ.

Вдруг в коридоре взвизгнула дверь и кто-то, как мешок, хлопнулся на пол. А сухощавый угрюмый парень в спортивной шапочке уже рассказывал похабный анекдот и размахивал сигаретой в воздухе, изображая женщину, попавшую впросак.

Женька зажмурил глаза и отвернулся, но их все равно разъедало дымом, рядом курили власть какую-то крепкую дрянь, булькая по стаканам водку и мусоля карты.

— «Скажи-ка, дядя, ведь недаром!» — со всего маху вдруг саданул картой раздевшийся бородач. — Щас мы тебе баньку сделаем, готовь-ка уши!

Женька поднялся и, откинув дверной крючок, вышел в жидкий сумрак коридора. Там в углу, скрючившись в три погибели, в легких джинсовых куртке и штанах, в потрепанных кроссовках, вжавшись головой в осыпавшуюся стенку, лежал пьяный человек, похожий на казаха. Ветер с истошным скрипом раскачивал наружную дверь и швырял в коридор жесткий, как песок, снег.

Женька вышел из барака, и всего его передернуло от ледяного мерзкого холода, до нужника он не пошел, а завернул за угол барака. В ветках деревьев свистал ветер, обрывок жести на крыше то громыхал, то визгливо скрежетал. И Женьке чуть не до слез стало жалко этого пьяного закованного человека. Он открыл дверь и увидел, как бородач за шиворот заволок пьяного в комнату и, раскачав, брезгливо, со всего маху закинул его на голую панцирную сетку кровати, рядом с Женькиной.

— Околет же казачонок, не хрен ему примерзать к полу! — будто выдохнул бородач, крепко завернув матюгом.

Казашонок встрепенулся, сильно ударившись о край койки рукой и подбородком, даже во рту у него, как будто, хрустнуло. Он, вскочив, уселся на кровати, поводя полумными непонимающими глазами.

— Чего?! Я!..— кричал он бессвязно, размахивая руками.

— Ты, ты! Щас я тебе точняком врежу! — вышел из себя бородач. — Ложись! Кончай рот пялить! Его еще притащили... Ладно, хва — вырубай, Шмоня, свет! — повелевающе кивнул он здоровенному туповатому парню с пухлыми губами, обросшему рыжеватой щетиной.

Свет был выключен, но раскаленный отсвет электрического «козла» освещал всю барачную комнату. Казашонок еще скрипел кроватью и что-то невидимое нелепо хватал руками в воздухе. Женька подsunул ему под голову свою телогрейку и отдал одно одеяло. Тут он увидел на полу смятую кроссовку казашонка и, подняв ее, натянул ему на ногу. Казашонок дернулся и заснул. В эту минуту Женька был невыносимо гадок себе: никогда бы он не взялся так вот запросто помочь кому бы то ни было в таком скотском положении, а бородач, этот циник и похабник...

Женька до рези, до боли в глазах, не отрываясь, смотрел на раскаленную спираль...

Он долго не мог заснуть и еще раз выходил, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Вдруг ему почудилось, что тьма — это не просто тьма, а бездна, на краю которой не раз себя находил и раньше. Захлебываясь ветром, он шептал:

«И бездна нам обнажена

С своими страхами и мглами,

И нет преград меж ей и нами

— Вот отчего нам ночь страшна!»

Именно в такие минуты Женьке открывался глубинный смысл смерти, отдаляя его, Женьку, от него самого. И тогда он вдруг постигал, как прозрение, что он не просто Женька, которому пока еще мало в чем повезло, а Человек — совершенно особое существо, наделенное своей жизнью, гармонией, Вселенной, и дающее жизни бесконечной и свою жизнь!

И казашонок ведь тоже — Человек! А его только что, как буквально мешок с дерьмом, швырнули в угол на кровать...

Женька вернулся назад в барак и лег, лицом к казашонку. Тот, раскинув руки, тихо посапывал.

— Эй, поэт! Не проспи, вставай на работу! — потряс его за плечо бородач. Женька приоткрыл глаза, было уже светло. Он откинул одеяло и, вздрогнув, поежилсь от холода.

— Чего всю ночь бормотал, стихи что ли? — с усмешкой спросил бородач, нахлобучивая себе на голову шапку.

— Не знаю, — растерянно пожал плечами Женька.

— Ладно, вставай, уже все ушли, буди казашонка! — и бородач сильно хлопнул дверью.

В бараке на самом деле никого уже не было, кроме Женьки и казашонка, которого разбудила хлопнувшая дверь.

— Вставай, уже все на работу ушли! — сказал Женька, взглянув на паренька. — Не замерз?

— Не-а, — мотнул головой тот.

— Как звать-то тебя? — спросил Женька из любопытства.

— Каирбек.

— Каирбек? — переспросил Женька, впервые услышав такое имя.

— Каирбек, — кивнул казашонок и, улыбнувшись, добавил, — по-русски Коля!

— Учишься или работаешь?

— Пастухом работаю,— беззаботно отозвался казашонок.

— А что же ты так плохо одет? Холодно ведь,— удивился Женька. Но тот ничего не ответил.

— На, возьми мой свитеришко! — сказал Женька, порывшись в рюкзаке.

— Не надо,— смутился Каирбек, отгаливая руку Женьки.

— Возьми, возьми, у меня еще есть!

— Я тебе потом принесу,— Каирбек уже торопливо натягивал свитер.

— Да ладно, давай умойся и пойдем.

Вскоре они вышли на улицу. После выпавшего снега было легко и просторно. В кустах, у обочины дороги, тараторили сороки, на солнце их хвосты казались совсем зелеными. Женька еще раз глубоко вдохнул утреннюю свежесть.

«Чему бы жизнь нас не учила.

Но сердце верит в чудеса:

Есть нескудеющая сила

И есть нетленная краса...»

Вдруг прочитал он и задумался, взглянув на Каирбека. А тот, приостановившись и вздрагивая от холода, смотрел на дорогу в прогалинах оттаивающей земли, на дальнее поле, где на чистом утреннем снегу хорошо были видны первые грачи...

ЗИМНИЙ ТРИПТИХ

(Стихотворения в прозе)

Тишина

Тишина нависает над головой, как тяжелые от снега ветви сосен. Иногда только дятел нарушит ее, и она вздрагивает при каждом его раскатистом: «дуг-дуг».

В лесу торжественно: даже неказистые кусты в серебре инея издалека похожи на царские короны!

Слоистое солнце стынет в промежутке меж ветвей. Смотрю сквозь пар дыхания на иссиня-розовое обрамление бледнеющего светила, и воздух кажется вязким! Поднимаю голову. Хочется прислониться к морщинистой коре сосны, смотреть на высокие вершины и легко плыть вместе с ними по белесой морозной голубизне!..

Над оврагом

Даже зимой мох на стволах сосен остается зеленым. Может быть, он и вовсе не умирает? Иду вглубь леса. Лежащий снег кажется плотным, но как наступишь на него, тут же рассыпается! Взгляд постепенно привыкает к прозрачному светлому сумраку. Над самым краем оврага одна сосна обняла стволом другую — вспоминается «Поцелуй» Родена. Я останавливаюсь перед ними. Мне жалко, что я не художник...

Зимнее утро

Из пепельно-золотистого, будто тлеющего облака вырвалось янтарно-огненное зимнее солнце. Заискрилась хвоя сосен.

Утренний лес еще хранит молчание. Но клинопись сорочьих следов выказывает присутствие в нем беспокойной жизни. Кажется, вот-вот упругая ветка осыплет снег под толчком лап белобокой хохотуньи, откликнутся ее подруги и без умолку начнут хвастаться друг перед другом своими переливающимися на солнце шлейфами-хвостами!

Но лесу все-таки не до них: просторная тишина еще долго будет напоминать ему о первых утренних лучах...

